

Сара
Бьязини

Моя небесная красавица

Роми Шнайдер
глазами дочери

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ ●●● A BOUT DE SOUFFLE

На последнем дыхании

Сара Бьязини

**Моя небесная красавица. Роми
Шнайдер глазами дочери**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 791.44.071:929(436)

ББК 85.374(3)-8

Бьязини С.

Моя небесная красавица. Роми Шнайдер глазами дочери /
С. Бьязини — «Издательство АСТ», 2021 — (На последнем
дыхании)

ISBN 978-5-17-148726-3

Сара Бьязини (р. 1977) – актриса, дочь кинозвезды Роми Шнайдер. Она пишет книгу для новорожденной дочери Анны: о радостях, о печалях, о тревогах и прежде всего о своей матери, которой лишилась, будучи совсем маленькой девочкой. “Книга Сары Бьязини – образец «новой чувствительности» в современной литературе. Открытые эмоции отныне не в почете. Все резкости намеренно приглушены. Никаких жестких противопоставлений. Все построено на полутонах. Ключевые слова – «деликатность», «сдержанность». И в этом тоже слышится тайная полемика со страстями, которыми были переполнены фильмы и жизнь ее матери. Почти ничего земного, все только небесное” (Сергей Николаевич, “СНОБ”). В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 791.44.071:929(436)

ББК 85.374(3)-8

ISBN 978-5-17-148726-3

© Бьязини С., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Тайный свет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сара Бьязини

Моя небесная красавица. Роми Шнайдер глазами дочери

Sarah Biasini
La beauté du ciel

- © Biasini Sarah
- © Зонина М. А., перевод
- © Николаевич С. И., вступительная статья
- © Бондаренко А. Л., художественное оформление
- © Archiv Robert Lebeck, изображение
- © Vostock Photo, изображение
- © ООО «Издательство АСТ»

* * *

Тайный свет

Девочка играет в саду. Ей неполных пять лет. Она не замечает, что на нее нацелен объектив, что ее снимают. И, конечно, ей невдомек, что скоро ее фото появится в еженедельнике с миллионным тиражом. Детям вообще не полагается знать, что такое тираж и что такое коммерческая обложка. Эту девочку зовут Сара Бязини. Она дочь великой немецко-французской кинозвезды Роми Шнайдер, которую в то утро обнаружили мертвой. И все это уже знают, кроме Сары, которой решили пока не говорить о смерти мамы.

Раньше у европейских издателей с папарацци был тайный уговор: детей не трогать. Дети не виноваты, что у них звездные родители. И если это не принцы крови, каждый шаг которых охраняют секьюрити, зачехлите свою камеру, месье. Не тратьте время. Ваши снимки никуда не пойдут, и за них вам никто не заплатит. Почему это правило не распространилось на Роми Шнайдер? Как получилось, что не только ей, но и обоим ее детям, сыну Давиду и дочери Саре, пришлось принять на себя “бедствие всеобщего обожания” и, как следствие, – неистовое, какое-то истерическое любопытство ко всему, что связано с личной жизнью актрисы? При чем “бедствие” это, как мы убедились, прочтя книгу ее дочери “Моя небесная красавица”, не утихло даже через почти сорок лет после ее смерти.

Повествование начинается с осквернения могилы Роми на маленьком сельском кладбище в деревушке Буасси в ста километрах от Парижа. Почти детективный сюжет. Кому вдруг понадобилось сдвигать могильную плиту, под которой много лет назад упокоились Роми и ее трагически погибший сын Давид? Что хотели найти там непонятно откуда взявшиеся “осквернители праха”? Каждый раз, погружаясь в чужие драматические перипетии, мы как будто пролистываем роман или смотрим фильм, где могли бы быть сами главными героями. В этом смысле недолгая жизнь Роми Шнайдер – это захватывающий роман с продолжением, где есть всё: и ранний успех, и великая любовь, и великая красота, и легендарная слава... Все вдруг разом обрушилось на эту невысокую хрупкую женщину с крутым умным лбом, волевым подбородком и русалочьими зелеными глазами. А имя у нее было какое-то детское, чуть даже инфантильное. В нем слышится оклик мамы, зовущей дитя со двора. Пора домой, Роми!

На самом деле ее настоящее имя звучало куда более тяжеловесно – Розмари Магдалена Альбах. Она даже думала, когда окончательно переехала в Париж, что вернет себе его, как фамильную драгоценность, сданную в ломбард. Но от этой идеи отказалась. Не захотела обижать мать Магду Шнайдер, положившую немало сил, чтобы сделать дочь одной из самых популярных звезд послевоенной Европы.

Всю жизнь над Роми тяготело звание “продолжательницы традиций”. У нее ведь и бабушка, мать отца, Роза Альбах Ретти была знаменитой актрисой. В фойе Бургтеатра в Вене до сих пор висит ее парадный портрет. Дожила до ста пяти лет. Внимательно следила за карьерным взлетом внучки и не скрывала своей тревоги за ее судьбу. Считала, что Роми слишком впечатлительная, слишком возбудимая. И какую сложную жизнь она сама для себя выбрала, когда перебралась во Францию! Другая страна, другая культура, другой язык – такие испытания не по плечу хрупкой, ранимой артистке. “Вполне возможно, что однажды моя внучка окажется в тупике, из которого нет выхода, – пророчески скажет Роза Альбах. – Люди ее склада, позволяющие себе жить эмоциями, чувствами и страстями, не задумываются о том, что свеча, которую пытаются задуть с двух сторон, очень быстро гаснет”.

А с матерью Магдой Шнайдер у Роми было все сложно. Тут и дочерняя привязанность, и целый комплекс обид за несчастливое детство, проведенное по большей части вдали от отчего дома. В начале 1970-х годов вдруг всплыли любительские цветные кинокадры, где Магда Шнайдер вполне по-свойски общается с Адольфом Гитлером и Евой Браун на фоне альпийских заснеженных вершин в “Орлином гнезде” (“Кельштайнхаусе”). Дом Магды Мариенгрунд

находился всего в получасе езды от главной альпийской резиденции фюрера. Ее потом не пре-
минули попрекнуть этим знакомством, обвинив в симпатиях нацизму и главарям Третьего
рейха. Сама Роми никогда не поддерживала с журналистами разговоров о прошлом матери,
стараясь отделяться уклончивыми фразами. Как часто бывает в актерских семьях, у них с
Магдой были периоды сложных отношений. Роми раздражал материнский деспотизм, бюргер-
ская расчетливость, постоянный контроль. Намеренно обходила молчанием она и место, где
прошло ее детство, всячески стараясь подчеркнуть свое австрийское происхождение.

Ни в одном ее интервью вы не найдете упоминания города Берхтесгаден. Прежде всего
потому, что на европейский слух – это один из главных нацистских адресов. Но сам выбор
фильмов, в которых снималась Роми, говорит об ее отношении к фашизму лучше любых широ-
ковещательных заявлений и громких протестов. “Поезд”, “Старое ружье”, “Групповой портрет
с дамой”, “Женщина в окне”, “Прохожая из Сан-Суси” – всё это не просто фильмы о войне,
которая была совсем недавно. Это всегда История Сопrotивления. Именно так, с заглавной
буквы. В этих фильмах слышится крик женщины, которую можно убить, но нельзя заставить
замолчать. Она бьется, страдает, она ненавидит. С самого начала она знает, что ее предадут.
Она почти всегда становится заложницей чужой подлости, трусости или бездушия. Но каж-
дую секунду своего существования, даже под дулом огнемета, как в “Старом ружье”, она так
отчаянно, так страстно хочет жить, что реакция, которую вызывает ее присутствие на экране,
меньше всего похоже на жалость. Нет, это почти восторг! Что-то вроде тайного ликования и
одновременно ужаса, когда видишь канатоходца под самым куполом цирка на проволоке без
страховки.

Женщина над пропастью – это и есть главная роль Роми Шнайдер в жизни и в кино. Ее
тема, ее судьба, ее личный выбор. С каждым своим новым фильмом Роми подходила к опас-
ному краю все ближе. Стоит ли удивляться, что в какой-то момент она запуталась и сорвалась.
Уже не совсем немка, но и не до конца француженка, заблудившаяся в неудачных романах и
несчастливых браках, израненная личными несчастьями и бедами, она приносила в каждый
новый фильм обостренное чувство вины, с которым в одиночку ей уже было не справиться.

Достаточно бегло просмотреть синопсисы ее фильмов последних трех лет, чтобы понять
то состояние подавленности и безысходности, в которое она сама себя загоняла, выбирая
исключительно трагические роли. Вот Катрин в фильме “Прямой репортаж о смерти”, без-
винная жертва политиканов и репортеров, чья агония становится документальным телесери-
алом online. Или Лидия в фильме “Свет женщины”, пережившая потерю ребенка, которая,
как никто, может понять случайно встреченного незнакомца, чья жена собралась покончить
с собой. Или Анна из “Призрака любви” – женщина-фантом, женщина-рок в облике измучен-
ной пожилой бездомной, преследующей главного героя. И, наконец, две героини Роми в ее
последнем фильме “Прохожая из Сан-Суси” – Эльза и Лина, – сыгранные ею на “последнем
дыхании”. И снова в каждом кадре слышится эхо прошедшей войны. Жизнь на пределе, жизнь
в полшаге от смерти.

Роми знала, как все это сыграть в кино. Но совсем не представляла, что с этим знанием
делать дальше. Иногда кажется, что она нарочно уходила в этот беспросветный мрак с одной
лишь целью – отвести от себя несчастья, которые подстерегали на каждом шагу. Как будто
таким образом она суеверно пыталась избежать участи собственных героинь. Но когда мы
видим кадры из “Прямого репортажа”, где она с криком вырывается и убегает от преследующей
ее стаи репортеров-стервятников, когда мы попадаем в комнату, завешанную до потолка дет-
скими черно-белыми фотографиями и рисунками, понимая, что это портреты погибшего сына
Лидии из “Света женщины”, когда в “Призраке любви” посреди отполированного буржуазного
благополучия раздается телефонный звонок, а в трубке слышится отчаянный женский голос,
молящий о помощи, – в эти моменты нам открывается нечто большее, чем просто грандиозно
сыгранные ею роли, вошедшие в историю мирового кино.

Вся книга “Моя небесная красавица” построена вокруг заочного разговора автора со своей новорожденной дочерью. Сама Сара не стала изменять семейной традиции: тоже стала актрисой. Про свои актерские достижения она в книге почти не пишет, оставляя их за рамками сюжета. Только один красноречивый эпизод с полупустым залом, перед которым она была вынуждена играть из вечера в вечер в течение месяца, говорит сам за себя. Представить в этой ситуации ее мать, конечно, невозможно.

Понимаешь и различие в темпераментах, и несходство характеров, и несопоставимость актерских масштабов. Они очень разные, мать и дочь. Может быть, поэтому Сару так притягивает судьба матери, которую она совсем не знала. Как бы та повела себя, узнав, что у нее будет внучка? Что бы сказала? И где проходит та черта, та линия, которая отделяет экранный образ великой актрисы от женщины, которую Сара так недолго звала мамой? Была ли вообще эта линия?

Дочь честно пытается припомнить все, что связано с образом матери. Мучается от того, как на самом деле мало смогла удержать ее детская память. Она не хочет ничего придумывать, не хочет записывать ничьих воспоминаний. Даже присутствие любимого отца в книге сведено к служебному минимуму. В “Моей небесной красавице” есть только то, что Сара помнит сама. Какие-то блики и шорохи, всполохи света, отдаленное эхо голосов. Тепло материнских рук. Аромат духов. Смех. Да, да, смех! Роми была смешлива. Любила смеяться. Какой контраст с тем мрачным, истерзанным, истеричным существом, которое фигурирует под именем “Роми Шнайдер” во множестве книг, биографий, мемуаров!

На самом деле все, что хотела и к чему неистово стремилась мать Сары всю жизнь, – это любить и быть любимой. Но цена этой любви оказалась непомерной, оглушительной. Поэтому дочь не склонна витать в облаках. Поэтому так осторожна в своих суждениях и оценках. Известно, что она почти не дает интервью и очень избирательно общается с журналистами. Понятно, что ей не хотелось ранить чувства своего отца, немало претерпевшего из-за развода с Роми. Не касается она в книге и запретных тем, связанных с бурной личной жизнью матери. Ее цель – воссоздать и защитить тот маленький мир, который дышал любовью и нежностью, когда они еще все были вместе: мама, папа, брат Давид... Мир, о котором, может быть, никто и не догадывался, но она-то знает, что он был, был.

По сути, “Моя небесная красавица” Сары Бязини – образец “новой чувствительности” в современной литературе, направления, которое в последние годы активно набирает обороты вместе с такими общемировыми явлениями, как новая этика. Открытые эмоции отныне не в почете. Все резкости намеренно приглушены. Никаких жестких противопоставлений. Все построено на полутонах. Ключевые слова – “деликатность”, “сдержанность”. И в этом тоже слышится тайная полемика со страстями, которыми были переполнены фильмы и жизнь ее матери. Почти ничего земного, все только небесное. И невольно вспоминаются слова Жана Кокто: “Искусство – это то, что превращает тайну в свет. Этот комплимент я хотел бы адресовать Роми Шнайдер, настоящей трагической актрисе”.

Сергей Николаевич

Найти следы, пусть едва различимые, животного начала, несущего в себе одновременно и жизнь, и смерть, и встать на сторону жизни, которая есть движение метаморфозы.

Анн Дюфурмантель, “Дикий инстинкт материнства”

Смерть – это колыбель жизни.

Жак Иглен

Ты родишься через три недели.

Врач сказал: дата зачатия – 20 мая 2017 года, роды – 20 февраля 2018-го. Он все точно вычислил, исходя из моих расчетов и учитывая возможную погрешность.

Так что я жду.

Девять месяцев подходят к концу, и я напоследок провожу рукой по своему круглому животу.

Кажется, он вот-вот лопнет, кожа натянулась после первых схваток, правда, безболезненных, тренировочных, так сказать. Ты вполне можешь появиться на свет уже сегодня ночью или завтра, а то и через десять, пятнадцать, двадцать дней.

Тем временем я тебе пишу.

У всякой истории есть отправная точка. Событие, повлекшее за собой другие события, значительные и маловажные. Я излагаю их по порядку – одни так, как я воспринимала их когда-то, другие – так, как вижу сейчас.

В воскресенье, 1 мая 2017 года, около десяти утра, зазвонил телефон. Жиль ушел на первый сеанс в кинотеатр “Ле Аль”, но что он смотрел, уже не помню. Я долго колебалась, идти с ним или нет, и в конце концов осталась дома.

Высветился незнакомый номер, и я не ответила, хотя телефон продолжал трезвонить. Пришло сообщение, но я спокойно закончила свои дела, забыла, какие именно, наверное, просто посуду мыла.

Как же, все я прекрасно помню, никаких тут нет “наверное”, я была на кухне, кстати, прекрасный выдался денек, квартира утопала в солнечном свете.

Наконец я прослушала голосовую почту.

“Здравствуйте, это майор Д. М., жандармерия Мант-ла-Жоли, вы только не волнуйтесь (хорошее начало), но сегодня ночью была осквернена могила вашей матери...” Конец сообщения размывается в моих воспоминаниях. Вероятно, как обычно, что-то вроде “вы можете связаться со мной по такому-то номеру” и т. д.

Я перезваниваю майору и попадаю прямо на нее, она оставила свой номер мобильного, сегодня выходной и по идее она не при исполнении.

Ее спокойный звонкий голос никак не вяжется с фактами, которые она излагает.

Они орудовали монтировкой, отбили мраморное надгробие. Потом (наверняка их было как минимум двое, учитывая его размер) сдвинули его, оставив диагональное отверстие, сантиметров двадцать. Майор спешит меня успокоить: гроб не пострадал, поскольку над ним установлена бетонная плита. Плиту они не тронули, она залита водой, за тридцать пять лет там скопилась влага. “Кто сообщил в жандармерию?” – спрашиваю я. Велосипедист, проезжавший мимо (странная затея – кататься по кладбищу, ну да ладно). Я продолжаю задавать вопросы: “В каком состоянии вы обнаружили могилу? Много ли повреждений, расколот ли камень?” Она пытается смягчить удар – нет, ущерб небольшой, они просто переставили цветочные горшки и свалили пару ваз. Прибыв на место происшествия, она сделала несколько фотографий и предлагает прислать их, я соглашаюсь. Вижу сдвинутое надгробие, зияющую дыру, головокружительную черную бездну. Слишком узкую, правда, чтобы достать что-нибудь или свалиться туда, как будто они не закончили то, что собирались сделать, прервались на полпути, разочаровавшись, устыдившись, а может, их просто спугнул какой-то шум.

Наконец я спрашиваю, что мне делать. Она объясняет, что криминалисты пытаются снять отпечатки пальцев, мраморщик уже на месте, он приварит надгробие к постаменту.

– Мне приехать?

– Конечно, если хотите.

В первое мгновение я думаю, не остаться ли дома, никуда не ехать, не заморачиваться, держаться подальше от этого места. Но тут же спохватываюсь, мне стыдно, что я замешкалась. Прошу ее дождаться меня, я буду через два часа. Конечно, она подождет. Я говорю с ней сквозь слезы, и она просит меня ехать осторожнее.

Сидя за кухонным столом, я думаю – снова гнусные вандалы. Кто рискнет пойти на такое? Не знаю, почему я так плачу. Это уже слишком, я никак не могу успокоиться. Она все равно давно мертва. Что может быть хуже. Вот только пора оставить ее в покое, раз и навсегда. Даже в смерти ей пытаются навредить. “Покойся с миром”, – лучше не скажешь.

Я пытаюсь дозвониться Жилю, но его телефон наверняка даже не вибрирует, он отключил его в зале. Оставляю сообщение: “Набери, когда выйдешь”. Затем звоню родителям отца, говорю, что случилось, и прошу одолжить мне машину. Я уже у них, когда Жиль наконец перезванивает – он скоро будет и обязательно поедет на кладбище вместе со мной. Я не в восторге, но уступаю, видя, что Моник и Бернар вздыхают с облегчением при мысли, что я отправлюсь туда с ним. Будь моя воля, я бы давно уже уехала. Солнце светит все так же ярко.

Машину ведет Жиль, но когда мы останавливаемся на заправке, чтобы спросить дорогу, я раздраженно хватаюсь за руль.

Едем дальше. В голове у меня пусто, я в каком-то ступоре, ничего не соображаю. Сосредотачиваюсь на дороге. Мы молчим. Наконец доезжаем до забытой богом деревушки в департаменте Ивлин. Буасси-Сан-Авуар.

“Не иметь”¹, да и “не быть” тоже. Какое печальное название.

Никак не могу найти кладбище, я же была там всего три раза в жизни. Я не испытываю никакой необходимости в специальном месте, чтобы думать о мертвых. Пытаюсь сориентироваться, смотрю вверх в поисках колокольни. Проезжаю вдоль ограды кладбища, вижу толпу у ворот, вот, *это здесь*. Разворачиваюсь в поисках места. Пытаюсь вписаться между двумя машинами, и вдруг меня охватывает дрожь. Руки и ноги не слушаются, отказываются выполнять свои функции. “Выйди, я припаркуюсь”, – говорит Жиль.

Я выхожу, люди у ворот заметили, как я подъехала (нельзя сказать, что тут проходной двор), и узнали меня. Я смотрю, как их головы, а затем тела поворачиваются в мою сторону. Они ждут меня, я иду медленно, чтобы Жиль меня догнал. Он предложил подождать меня в машине, я сказала “нет”. Тем не менее он следует за мной на расстоянии – типа “*Не беспокойся обо мне, сделай то, что должна, я буду рядом*”.

Майор сегодня в гражданском, она беременна, я вдруг вспомнила об этом сейчас (позже она скажет, что ждет второго ребенка). Ей помогает полицейский в форме.

Рабочий-мраморщик тоже тут. У них с братом-близнецом семейный бизнес – они продолжают дело отца с 1982 года, когда умерла моя мать.

Мы с близнецами – следующее поколение. Приняли эстафету. Мэр деревушки тоже пришел – тот же самый, что и тридцать пять лет назад.

Мы так и застыли у ворот кладбища, Жиль почтительно стоит поодаль. Я внезапно замечаю, что тупо тереблю ручку своей сумки. Все свои чувства я вкладываю в эту вздрагивающую левую руку, мне словно хочется что-то схватить, сжать, чтобы отвлечься от горя.

У меня стоит комок в горле, к счастью, мне не надо ничего говорить, мне в очередной раз сообщают, что случилось, я покорно слушаю. Впитываю обращенные на меня дружеские взгляды, полные симпатии и сострадания. Надо сохранять достоинство, следить, чтобы не так сильно дрожал подбородок. Несколько минут назад мне же удалось выйти из машины, и вот сейчас я стою тут, буквально врастая в землю, она поддерживает меня.

Они говорят долго. Мы торчим у ворот, вдалеке от места преступления, осквернения, – так им спокойнее, да и мне тоже, думают они.

Они тянут время, но ведь рано или поздно придется отвести меня туда.

¹ Boissy-sans-Avoir. Sans – без; avoir – иметь (фр.). Здесь и далее – примеч. переводчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.